Татлян Жан

14.10.2000

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАНА ТАТЛЯНА

Звезда советской эстрады шестидесятых снова поет в России

Жан Татлян.
Фото Александра Корякова

Он был кумиром поколения. Запоминающаяся внешность. Бархатистый голос. Его выступления собирали тысячные аудитории. Его пластинки раскупались миллионными тиражами... Его биография просится в романтическую повесть. Точнее – в роман, ведь в жизни его были встречи с самыми блестящими женщинами планеты. Он родился в Греции в армянской семье. Когда ему было 5 лет, семья переехала в советскую Армению. Музыкальные способности его проявились очень рано. В 18 лет он становится солистом Государственного джаза Армении, затем переезжает в Ленинград и выступает с сольными концертами по стране, исполняя песни собственного сочинения. Они становятся очень популярными не только в СССР, но и за рубежом. В короткий срок продано более 50 миллионов пластинок! Вся страна распевала «Звездную ночь», «Фонари», «Осенний свет»... А что потом? Почему он уехал из страны, где собирал полный аншлаг и где его любили? На эти вопросы Жан Татлян ответил накануне одного из концертов в Питере.

Александр Щуплов

– ПОЧЕМУ сейчас ты решил вернуться именно на российскую сцену? Ведь в одну реку нельзя войти дважды...

– Я могу вернуться на российскую сцену так же, как на американскую, французскую или канадскую. Еще во времена перестройки, начиная с 1989 года, я ежегодно давал концерты в России – в питерском зале «Октябрьский», в столичном Киноконцертном зале «Россия», в Киеве. У меня были концерты в Сибири, на Урале, в Петрозаводске, в Крыму... Понимаешь, у меня бывают какие-то перерывы, когда хочется сочинять новые песни, а бывают периоды, которые заполнены только концертной деятельностью.

Так что твое сравнение неточно. Я из реки не выходил, и мне не надо входить туда по второму разу. Конечно, вода утекла, но река-то осталась! Знаешь, в Индии есть ритуал – раз в год в священный день окунуться в воды Ганга. Ну, может, у меня не получалось «раз в год», но я регулярно входил в реку, которая несет меня по жизни. Я остался таким, каким был. Более того, считаю, что и публика моя осталась прежней. Она хочет меня видеть прежним. Хотя, конечно, мы все время меняемся. Все на земле меняется. Не меняется только романтическое состояние души. В конце концов старое вино вкуснее и крепче. Со временем приходит опыт, мастерство, хотя у некоторых, может быть, и наоборот.

– Кажется, ты пребываешь в эйфории?

– Мой барометр – публика. В Питере, в «Октябрьском», где, по словам его директора, на концертах некоторых российских звезд заполняемость зала – 75–80%, во время моего выступления зал был переполнен. Билеты шли по двойной-тройной цене...

– К началу семидесятых ты был на пике популярности – и вдруг такой обрыв советской карьеры...

– Да, я был очень популярен. И в то же время меня душили со всех сторон. Я никогда не писал и не пел «идеологических песен» и этим очень горжусь. Многие мои коллеги (не буду называть их имена – они до сих пор работают в искусстве) на всю катушку пели «партийные» песни...

– А может быть, стоило написать одну-две бодрые песенки о комсомоле и спокойно жить лет десять – до новых песенок?

– Я был бы противен сам себе! Я не могу и не хочу себя заставлять делать то, что мне противно. Наверное, у меня в генах сидело ощущение свободы. Ведь родители меня привезли в Армению уже смышленым мальчиком. Я был рожден свободным человеком в Греции, и это противоречие сидело у меня внутри.

– Стало быть, в Греции есть все – даже свобода?

– Да! В те годы я не бедствовал в Советском Союзе. Мой сольный концерт стоил 39 рублей, авторских набегало больше тысячи в месяц. Огромные деньги по тем временам, сумасшедшие деньги – для Советского Союза, разумеется! Я давал государству в сотни раз больше, чем получал от него. Я имел все, о чем советский гражданин мог только мечтать: машину, огромный катер, авторские за песни, я был в первой десятке высокооплачиваемых авторов. Будучи молодым человеком, я мог выбрать любую красавицу... И все же главное было в другом: я остро чувствовал несвободу!

– Как сложилась твоя жизнь после отъезда из Советского Союза?

– В 1971 году я уехал во Францию. Сперва жил у своего друга Жака Дуваляна, затем снял квартиру. Поступил работать в знаменитое кабаре «Распутин», где пел целый год. Потом мне предложили выступать в кабаре «Московская звезда», причем за мной было оставлено право петь и в «Распутине». Для советского артиста это означало большую привилегию.

– В СССР твои «Фонари» неслись из каждой форточки. Нужны ли они были во Франции?

– Конечно, о «Фонарях» и других советских шлягерах пришлось сразу забыть. Но честно сказать, после беспробудных гастролей в СССР я «офонарел» от своих «Фонарей». Я составил репертуар из народных русских, армянских, греческих, цыганских песен. Это была хорошая школа и блестящая практика для голоса, дыхания. Жизнь давала свои уроки! Первое время во Франции я мог зачарованно бродить по Елисейским полям («Распутин» находился в двадцати метрах от них), и душа моя, еще недавно невыездная, пела: «Я – свободный человек!»

– Стать «кабацким» певцом – после самых престижных залов СССР?

– Я знал многих людей, готовых покинуть Советский Союз и заниматься подметанием улиц и уборкой туалетов. Я же продолжал заниматься делом своей жизни – пел. На Западе жили и творили мои кумиры – Наткин Коол, Фрэнк Синатра, Элла Фицджералд, Луи Армстронг... Они тоже работали в «кабаках» – то есть в престижных ресторанах, кабаре, ночных клубах. Между прочим, будучи, как про меня здесь говорили, «кабацкой звездой», я представлял Францию на Международном фестивале песни в Вашингтоне, посвященном 200-летию Америки. Фестиваль собрал 8 тысяч зрителей, в нем участвовали супервезды!

Кроме того, я заключил пятилетний контракт с одним из лучших казино Лас-Вегаса «Империал Палас», согласно которому должен был петь 180 дней в году. Здесь я познакомился с Синатрой, Томом Джонсом, Шер. В выходные мы ходили друг к другу в гости и, можно сказать, дружили... Впрочем, через некоторое время я вынужден был отказаться от контракта. В Лас-Вегасе губительный для певцов климат. Пустыня, сухость, жара... В моем номере – 200 квадратных метров – был огромный бассейн, я попросил поставить в каждой комнате по два кондиционера – и все равно понял после первых 180 дней выступлений, что могу потерять голос, да и здоровье...

– Где сейчас твои слушатели?

– Я пою на русском, английском, армянском, греческом. В молодости пел песни Ива Монтана, зазубривая слова. Теперь свободно говорю на французском и могу петь их осмысленно. Мои слушатели – везде. Выходцы из Советского Союза разбросаны по всей планете. Вот такой я – уроженец Греции, по происхождению – армянин, долго жил в России, гражданин Франции...

– Есть ли у тебя сейчас слушатели в России?

– Мои слушатели – те, кому от 20 до 60 лет. Не могу утверждать, что меня знают повально, как знают «Мумиё» – так, я слышал, у вас называют группу «Мумий Тролль»...

–...или Киркорова...

– У Киркорова есть голос, и он все-таки великолепно выглядит.

– Что же ты не возьмешь его опыт на вооружение – оберни себя в километры шелков, пробей ухо...

– Это – сегодняшняя мода, а я – вернувшийся динозавр!

– Вот тебе и сценический псевдоним – Вернувшийся динозавр!

– Когда я выступал на сцене Лас-Вегаса – отнюдь не для наших эмигрантов, а для американцев – меня называли Сердцеедом. Затем появилась кличка «Российский Фрэнк Синатра». Впрочем, в последние годы я услышал, что в России появилось столько своих фрэнков синатр – хоть засаливай в бочке на зиму! Поэтому я от этого прозвища, данного мне американцами, отказываюсь: с русской подачи оно уже имеет какой-то отрицательный оттенок. Не люблю я эти прозвища и титулы...

– Их дает народ. Эдит Пиаф называли Воробышком.

– Хорошо, поймал! Один–ноль!

– Ты упомянул суперзвезд, с которыми дружил...

– Хвастаться нехорошо, но могу без ложной скромности добавить к перечисленным имена Мишель Мерсье, шахиню Ирана... Мои друзья бывали у меня в гостях в моем ресторане «Две гитары» (я дал ему название в честь известного романса на стихи Аполлона Григорьева).

– Так ты еще и бизнесмен?

– Я вложил в ресторан свои средства, привлек партнеров. Конечно, с прагматической точки зрения было бы выгодней открыть несколько бутербродных, поскольку мой ресторан никаких доходов не приносил. Впрочем, бизнесмен из меня получился не самый плохой. На деловом поприще у меня были и падения, и взлеты. Я сказочно не разбогател, но и не разорился. Когда ресторан «Две гитары» закрылся, я не стал возвращаться в кабаре, а принялся путешествовать по всему миру с гастролями.

– Вернемся в Россию. Как ты относишься к такому явлению на нашей эстраде, как «русский шансон»?

– Мне не по душе то, что сейчас подверстывается под этот термин. Называть блатные песни «шансоном» – кощунство. Шансон есть шансон, на каком бы ты ни пел – на русском, французском, английском... Кстати, почему нет термина «английский шансон»? «Шансон» в переводе значит «песня». Так и надо называть – «русская песня». В таком случае пойдем дальше: «фромаш» – по-французски «сыр». Давайте вместо «российский сыр» говорить «российский фромаш»... Глупость!

И потом – что такое «шансон»? Это сюжетные песни, которые когда-то исполняли уличные певцы. В каждой песне есть свой маленький сюжет, сценарий – лирический, драматический, комический.

– В песнях, обозначенных как «русский шансон», тоже есть сценарий: действие происходит в зоне или на «малине»...

– Чтобы не обидеть авторов и исполнителей, лучше называть такие песни «городскими романсами».

– Ну а себя ты можешь назвать «шансонье»?

– Безусловно, могу! Я – самый настоящий шансонье. Только не знаю – русский или французский...

–...или армянский.

– То, что я пел с самого начала своего творческого пути, относится к шансону.

– И, конечно, никакой «фанеры»?

– Шансонье – это маленький театр. Каждый раз у певца особое состояние. Разве «фанера» может передать это меняющееся состояние? Молодцы те ребята, которые могут абсолютно точно открывать рот под «фанеру», записанную в прошлом году. Я этого не могу делать, я этого не понимаю... Несколько лет назад я участвовал в одном концерте... кажется, он назывался «Золотой шлягер». Все шло «под фанеру»: «под фанеру» играл президентский оркестр, «под фанеру» пели исполнители. Я взял «минусовку» (записанную музыку) и собрался петь «живьем». Так устроители потеряли массу времени, чтобы найти для меня микрофон и установить его. Друзья потом мне говорили, что по качеству мой звук был хуже, чем у «фанерщиков», но зато было видно, что я пою.

– Скажи, а как на Западе относятся к «фанере»?

– Кое-где это даже преследуется законом. В Лас-Вегасе, например, профсоюз защищает интересы музыкантов и борется даже с «минусовками». На всех моих концертах в Лас-Вегасе в течение трех месяцев музыканты играли каждый вечер и получали за эту игру деньги.

– Еще один больной вопрос нашей эстрады – за «прокат» на ТВ артист должен платить. Существует ли такая традиция на Западе?

– Нет, там абсолютно другая система. В 1991 году я был нескаванно удивлен, когда за прокрутку клипа на ТВ у меня попросили 5000 долларов. Я был оскорблен таким подходом. Ведь это же ТВ должно было мне платить, а не наоборот! Я не жду никаких денег от ТВ, но и не собираюсь давать кому-то деньги...

– Ты долго жил во Франции. У французов репутация донжуанов. Это реальность или легенда, которую придумали французские женщины, дабы ободрить французских мужчин?

– О каждой нации что-нибудь говорят. Например, говорят, что в России пьют больше всех в мире, хотя, между прочим, французы пьют вина намного больше. Что касается флирта, то французы умеют очень красиво ухаживать за женщинами.

– Ну а сохраняют французы верность женам?

– Мы целуем женщинам руки. Женщина – как птица. Мужчина должен держать ее в руках: не сильно, чтобы не удушить, но и не слабо, чтобы она не улетела! Мужчина всегда мужчина. Неважно, француз он, армянин или русский.

– Ты упомянул Мишель Мерсье, которая исполняла роль Анжелики в нескольких фильмах. Говорят, что у вас был роман...

– Призывай на помощь всю свою фантазию!.. И вообще, я бы пожелал всем женщинам любви. Бабье лето – это время солнца. Женщины начинают порхать. Пусть они больше порхают... ■

345